

ОБАЯНИЕ ТАЙНЫ
ПРОЗА АРТУРО ПЕРЕСА-РЕВЕРТЕ

Артуро Перес Реверте

ТЕРПЕЛИВЫЙ
СНАЙПЕР

Москва
2016

УДК 821.134.2-312.4
ББК 84(4Исп)-44
П27

Arturo Pérez-Reverte
EL FRANCOTIRADOR PACIENTE

Copyright © 2011, Arturo Pérez-Reverte
Copyright © 2011, Santillana Ediciones Generales, S.L.

Фото автора © Photo by Victoria Iglesias, 2013

Перевод с испанского Александра Богдановского

Художественное оформление *Андрея Саукова*

Иллюстрация на обложке *И. Хиверенко*

Перес-Реверте, Артуро.

П27 Терпеливый снайпер / Артуро Перес-Реверте ; [пер. с исп. А. С. Богдановского]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Обаяние тайны. Проза Артуро Переса-Реверте).

Главный герой по прозвищу Снайпер — художник, но не обычный: он рисует граффити. Циничный, холодный, он уверен, что жизнь человеческая ничего не стоит. Снайпер неуловим и хитер, и никто не знает, где он скрывается. Многие готовы на все, чтобы с ним повстречаться. Это и Алехандра Варела, которая разыскивает загадочного художника, чтобы предложить ему вместе работать, и Лоренсо Бискарруэс, мечтающий с ним покататься за смерть сына.

Фирменный знак Снайпера, изображающий оптический прицел, видят то там, то тут. Он словно дразнит своих преследователей. Как долго будет длиться эта игра и кто выйдет из нее победителем? Время покажет...

УДК 821.134.2-312.4
ББК 84(4Исп)-44

© Богдановский А., перевод
на русский язык, 2016
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-89348-5

Жили-были люди удивительного племени,
и назывались они создатели граффити.
Вели жесточайшую битву с обществом.
Исход ее пока неизвестен.

*Кен, райтер
(надпись на стене
в Нью-Йорке, 1986)*

В сложном мире граффити, по самой сути своей очень часто подпольном, подписи художников бесчисленны и постоянно меняются, из-за чего невозможно установить их всех поименно.

По этой самой причине все персонажи этого романа, за исключением широко известных райтеров и художников, упомянутых особо, являются вымышленными, а все совпадения — случайными.

В ГОРОДЕ. 1990

Ночные волки, охотники, бьющие из засады по фасадам, стенам, заборам и прочим поверхностям, безжалостные бомбардировщики, они, бесшумно ступая в своих кроссовках, стремительно и сторожко перемещались в пространстве города. Они были очень молоды и проворны. Один долговязый, второй низкорослый. Носили джинсы и темные флисовые куртки с капюшоном, в которых сливались с темнотой, а за спиной — рюкзаки, где побрякивали баллончики аэрозоля с широкими клювиками, удобными для стремительных и незатейливых граффити. Старшему было шестнадцать. Познакомились в метро две недели назад, по одежде и снаряжению признав друг друга: некоторое время искоса переглядывались, а потом один провел пальцем по стеклу, будто раскрашивал что-то. Будто рисовал на

стене, на борту автомобиля, на гофрированном железе рольставни. Они мигом сдружились: вместе стали бродить со своими баллончиками, отыскивая свободное место на сплошь расписанных заборах, фасадах заброшенных фабрик в предместьях и станционных павильонов, вместе удирать от нагрянувших сторожей или полицейских. Рядовые бойцы, серая скотинка, «пехота». Принадлежали к самым низам своего племени, обитающего в городских джунглях. Парии того совсем особенного сообщества, где наверх могут вынести лишь собственные заслуги, подвиги, совершенные в одиночку или вдвоем-втроем, где каждый сам по себе, сам за себя и с упорством и усилием навязывает миру свою боевую кличку, до бесконечности множа ее на всех углах. Оба паренька совсем недавно вышли на улицу, и немного еще было у них под ногтями засохшей краски. «Мальки», как именовались они на жаргоне, принятом в этой среде, снова и снова оставляли они свою роспись повсюду, где только можно (и где нельзя — тоже), толком не заботясь о стиле, не питая уважения ни к кому и ни к чему. Завоевывали себе авторитет и признание, закрашивая чужие граффи-

ти, вторгаясь на постороннюю территорию. Особенно рьяно выискивали росписи — на их языке они назывались «куски» — настоящих мастеров, королей уличной живописи — превосходные, первоклассные, сначала десятками раз отработанные на бумаге, а потом перенесенные на любую подходящую, на первую попавшуюся поверхность. В этом строго упорядоченном мире неписаных законов и символических запретов для начинающих, в мире, где ветераны обычно удалялись на покой по достижении двадцати лет, закрасить своей росписью чужую было равносильно объявлению войны — это означало вторжение на чужую территорию, покушение на чужую славу и уничтожение чужого имени. Сплошь и рядом случались стычки, которые и были нужны этим мальчишкам. Раньше они до полуночи пили кока-колу и отплясывали брейк, зато сейчас в полной мере смогли прочувствовать свою решимость и отвагу. Мечтали бомбить — покрывать своими росписями — стены городских зданий и тоннелей, отбойники автострад. Движущиеся поверхности — борт автобуса или вагона пригородной электрички. Или метро, что составляло предмет вожде-

ния райтеров во всем мире. Или намалевать свою метку-тэг поверх оставленных грандами этого дела, к примеру: Тито⁷, Сноу, Рафитой, Тифоном. Или, если повезет, потягаться с самыми-самыми, с самими Блэком или Глабом. Или даже с Пружиной¹, всеобщим их отцом.

— Здесь.

Остановившись на углу, долговязый показывал на соседнюю улицу, где в круге желтоватого света от уличного фонаря виднелись мостовая, тротуар, кусок кирпичной стены гаража с вертикальными железными воротами. А как раз на границе света и тьмы стоял человек и наносил на стену рисунок. От угла он был виден со спины — юношески тонкая фигура, надвинутый на голову капюшон темной ветровки, раскрытый рюкзак у ног и баллончик в левой руке, которая в эту самую минуту заливала красным контур огромной буквы, одной из шести в этом слове — метровых, обведенных тенями, чтобы создать иллюзию рельефа, выписанных в особом, завораживающе-безыскусном стиле и горевших на

¹ П р у ж и н а — тэг Хуана Карлоса Аргуэльо (1966—1995), основоположника «мадридской школы граффити».

темно-синем фоне ярко-алым, как вспышки выстрелов.

— Ах ты, черт! — пробормотал длинный.

Пораженный, он замер рядом со своим товарищем. Райтер, работавший у стены, уже раскрасил буквы внутри контуров; подсветив себе фонариком, порылся в рюкзаке, достал очередной баллончик и теперь заполнял белым точку над «i» в середине слова. Быстрыми короткими движениями споро и точно залил краской кружок и сразу же прочертил по нему черные линии по вертикали и горизонтали, сделав его похожим на кельтский крест. Потом, даже не взглянув на дело рук своих, наклонился, спрятал баллончик в рюкзак, рюкзак закрыл и закинул за спину. Точка над «i» напоминала теперь перекрестье оптического прицела.

Потом, так и не показав спрятанное под капюшоном лицо, пошел вниз по улице, исчез во тьме. Безмолвный и стремительный, как тень. Лишь когда он скрылся, мальки вышли из-за угла, приблизились к стене. Застыли на несколько мгновений под фонарем, разглядывая только что оконченную работу. Она отвечала всем требованиям, пахла свежей краской — и не было для них на свете запаха притягательней. Запах

славы, гремющей на весь город, запретной свободы, громкого имени, спрятанного в безымянности, адреналина, гулко гремющего по жилам. Оба были убеждены, что ничто не сравнится с этим запахом. Ни девчонка. Ни гамбургер.

— Пошли поближе, — сказал тот, что был ниже ростом и моложе годами.

Вытащил из рюкзака баллончик, намереваясь замазать граффити своей подписью. Так полагалось делать ему — неумолимому бомберу — столько раз, сколько получится. Хотя у каждого был свой тэг (у одного — Блимп, у другого — Гуфи), в совместной работе они пользовались одним на двоих — УКТП: Угадай, Кто Тебя Поимел.

Высокий поглядел на своего спутника, а тот встряхивал аэрозоль — украденный в москательной лавке двухсотмиллилитровый баллон черного «Новелти» с узким клювиком. Прimitивная роспись, которую они собирались вывести в который уж раз, не требовала ни мастерства, ни выдумки. И не в том было дело, чтобы получилось красиво, а чтобы мелькало везде и всюду. Иногда, если хватало времени и обстановка располагала к размышлениям о более или менее обозримом будущем, они пыта-

лись на полуразрушенных оградах или на фасадах заброшенных фабричных корпусов создать что-нибудь более сложное, замысловатое и многоцветное. Но сейчас был не тот случай. Сейчас требовалось обычное вторжение, ковровая бомбежка, ошеломительное возмездие.

Тот, кто держал аэрозоль, вплотную приблизился к стене, готовясь нажать кнопку и прикидывая, куда бы направить первую струю. Наконец он выбрал белый кружок над буквой в середине слова, но тут напарник остановил его:

— Погоди-ка.

Длинный уставился на роспись, в свете фонаря словно полыхавшую сверкающе-алыми каплями крови. На лице его появилось почти-тельное удивление. Он увидел нечто большее, чем привычное граффити. Это было настоящее искусство.

Маленький, устав ждать, поднял баллончик, прицеливаясь в белый кружок. Его жгло нетерпение: ночь коротка, а добыча несметна. Кроме того, они и так слишком долго проторчали на одном месте, нарушили главное правило безопасности: «малюй и смывайся». В любую минуту мог появиться сторож и вломить по первое число.

— Погоди, говорю, — удерживал его длинный.

Руки в карманы, рюкзак за спиной — он продолжал разглядывать граффити. Медленно и задумчиво покачивался с пятки на носок.

— Это круто. Это просто охренительно круто.

Напарник выразил свое согласие одобрительным урчанием. Потом привстал на цыпочки, нажал кнопку и вывел буквы «УКТП» поверх белого кружка, перечеркнутого крест-накрест. Поверх оптического прицела, возникшего в середине слова Sniper.

1. КРЫСЫ ЧЕЧЕТКУ НЕ БЬЮТ

Покуда я обдумывала предложение, сулившее большие перемены в самой сути моей жизни, мне пришло в голову, что понятие «случайность» либо неточно, либо неверно. Судьба — терпеливый охотник. Случайности сплошь и рядом на роду, что называется, написаны и, как терпеливый снайпер, прикидываясь глазом к окуляру прицела, а палец держащий на спуске, только поджидают благоприятный момент. И вот сейчас такой момент, без сомнения, на-

стал. Произошла одна из тех мнимых случайностей, которые впрок припасает насмешливая, замысловатая Судьба, увлеченно сплетающая затейливые арабески. Судьба или еще кто-то. Какое-то божество — вздорное, переменчивое, безжалостное, более всего на свете любящее жестокие шутки.

— О-о, это ты, Лекс? Вот так встреча. А я как раз собирался на днях тебе позвонить.

По паспорту я — Алехандра Варела, но все зовут меня просто Лекс. Иные, произнеся это слово, прибавляют к нему два-три определения не самого лестного свойства, но мне плевать. Тридцать четыре года жизни, десять из которых я в профессии, закалили меня на славу. Впрочем, речь о другом. Короче говоря, звезды сошлись в тот миг, когда за спиной у меня в книжном магазине при Центре искусств королевы Софии прозвучал интеллигентнейший голос Маурисио Боске, владельца и главного редактора издательства «Бирнамский лес»¹. Я перебирала выложенные на стендах новинки

¹ В трагедии Уильяма Шекспира «Макбет» ведьмы предрекают главному герою, что он не будет побежден, пока Бирнамский лес не пойдет на Дунсинанский замок (его резиденцию).